

16+

Таранов Игорь

ВАНГАГОЙ

Игорь Николаевич Таранов Вангагой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42331484

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга стихов о внутренних исканиях. Размышления философского характера о жизни, мире и религии.

Начало поэта

Вышел из темной волны,
Упившейся мертвостью света.
Стоял у высокой стены.
В горле голос поэта.

Мудростью незнакомой
Луч украшал глаза
Терпкою был айвою,
Когда он его лакал.

Без знамен и знамений
Увещеваний и снов
Каменных хитросплетений
Он причастился слов.

В богатые одежды
Я временем одет
И тонкий волос заплетен вокруг тела,
Материя цвета все прияла.
И в сад я выпущен, где нет оград и ночи
Текучая роса лилась с зеленых дуг
И розовые кустья лепестками
Меня касались благосклонно
Сбивая с ткани пыль и мошкарю.

И через запятую пустота
Вбирала в чрево все, что за плечами.
Оставил я одежды духоту
И посмотрел назад ненужными глазами.

К стиху

I

Пойми меня мой стих
Мы больше не одиноки,
Чтобы голос твой не утих
Отдаю твои черные строки.

II

Я стою в полутемном саду,
Одиночка, сообщник, преступник.
Я все, что мое отдаю,
Но знаю, мне будешь заступник.

III

Мне снова предложи весь мир
И позови на светлый пир,
Где в бубны бьют и каждый наг
И всякий пыл земной отринул
И этот безрассудный шаг
Волной тяжелою отхлынул.

IV

Я все отдал, я нем и гадок

В преддверии стою и жду,
Когда над дикостью сада
Увижу новую звезду.

Мандельштам

Из детского страха внушенного
Я вырвусь из стаи на полку
Смотрите на умалишенного
Задумавшегося волка.
Такие вдвойне опаснее,
Таких присмирят двустволка.
И с полки за холку в застенки.

Сегодня ночь не ночь
А бесконечность пасти
Подъездов и аллей
Столбов и площадей
Разорванных на части.
Морозный мрамор
Зимь и земь
И вглубь и ввысь всю ту же темь
Я выдыхаю.
Дух горячий
Известным облаком незрячим

Обходит сторожем округ.

В глазу окна
Стою зрачком
Питаюсь полостью небесной
Я стал давно бы бестелесным
Отведав черной ночи хлеб.

Что выберет мой дух ужасный?
Кольнуть меня
Иголкой в сердце
Или замкнуть мой вдох ладошкой
Из злобы детской, понарошку.

Не знать мне.
Может быть внутри
Засосом воздуха горит
Огонь, что жизни мучим
Хрупкостью бессмертной?

Я буду последней каплей
Истекших в мой холод томлений
И звезды стеклянных скоплений

Из глаз моих выглядят тайну.

И кто-то из них не поладит
С увиденным и перестанет
Держать перед лбом моим свечи
Не один я,
а с звуком шагов уходящих
Под вечер.

Живое по живому
Я ветви приживить могу
В твоё сочащееся слово,
Оазисную тишину.

Оно хранилось в зимнем сне
И обморочном недвиженьи,
Застрекотало по весне
В ее кривом кроветворенье.

И будет каждый лист отступник,
Из серой гробовой коры,
Являться миру как преступник,
Не чувствуя своей вины.

Тень выжжена и солнце на коне,
Но ночь моя дрожит под абажуром,
Захвачена, в мучительном плену
Всех граней голубого утра.
Но будет миг и день даст слабину
И прорастет из арыков,
Карманов, парков, из-под языков
Вся в синем свете лунная река
Песочный блеск, струя из кулака.

Вместилище всей ярости земной
Ладони глубь и голубя наивней
Держательница древней наготы
И ломкой мудрости невинной.
Промежности деревьев полусонных
Стыдливо скутаны поземкой. На скаку
Сшибает длинной пикой всадник-солнце
Весомый лист на волос вербняку.
Такое бремя не снести вовек
И ветер тянется к древесной лапе,
Как знающий природу дровосек,
А та стоит по-вангогейски в шляпе.

Я подхожу к ромашке

Меня умыкает музыка
Гнутся сосновые шпажки
С капельным блеском грузиков.

Консерватория света
Стеклышко на пригорке
Ромашка мотает венчиком
Солнечная дирижерка.

Я помню, как зажавши лупу,
Я шел как бог среди муравьев,
Сгребая холмики из трупов
Спаленных в прах еретиков.

И солнце мне противней боли
И вырванных стрекозых крыл,
Когда в румянном ореоле
Льет на ладони мягкий пыл.

Дождь.
Кругом двойники окон.
Дом – аргус
Полоснули лучом

И опять
Дорог одна пядь
Горит окном.
Одиночество
Одни ночи сваи
Поручни.
Случайный выползок луча
На стену мочится.

Наполнятся все выбоины влагой
Улючины листов
Розетки винограда
И меж деревьями стеклянная аркада
С разбитым зеркалом на мостовой.

С лукавством весело цепляя
Опавший лист губами вод
Сферическими пузырями
Скользит мгновенный небосвод.

Я перебиваю говор бесский
Из всех начал мне та беда лиха.
Черный двор глядит из глуби фрески,
Сдвоённой речитацией стиха.

Понт стен осыпан ливнем люстры,
Тянущейся как белая строка,
От высохшего Кафки к Прусту,
Сползая вниз под рифмой потолка.

Стоял оглушенный дверью.
Дуло сгоревшими пробками
Тени опаснее зверя,
Ночи – болота топкого.
Были окна безнадежней стен
Были тени плотнее тел
Стоял,
сжимая ключи в кармане
Молчал,
а в подъезде как в храме
Святые угольные образа.

Участья лампы гибнет пыл
И лунный свет врачует
Две тени бабочкиных крыл
В углах его танцуют.

И легкий как лучей пучок

С поляны одуванчик
На тени лапок паучок
Глядит как Дорианчик.

Унеслись метелицы
Излилась капель
Сверху на поленнице
Свищет соловей.

Меж кустов черешневых
Свесясь на плетень
Распускалась волнами
Белая сирень.

Сказка мне привиделась
Сквозь февральский вой,
Что среди метелицы
Веяло весной.

Синь озерная стелется в поле
Рожь озимая зреет на воле.

Загуляла зима с буйным ветром
В городке все тепло так и светло.

Зацветает сирень пятицветом
А зима позабыла про это.

Так и будем с тобой мы любиться
Под восходы весенней зарницы.

Обниматься, в уста целоваться
Да к луне молодой прижиматься.

Песни страстные лихо летают
Дома ночь меня в сенях встречает.

Глинобитная русская печка
На столе зарумянилась свечка.

Под удалую песнь озорную
Буду мыслить я думу хмельную.

Вечером

Садилось солнце
Бросая голову о плиты
Всем телом наперед всходил на стену
Ночной властитель Геспериды.
Так верю я тому, кто молчалив.
Не выдаст он условий мены,

День заслонив огромной из оливо,
Плод золотой прилаживая к небу.

Красный бег – точильный камень
Острота нужнее
Глазу чем ножу косому,
С тьмой поспорить злее.

Цепи на груди и змеи
В двери я входить не смею
Тень с лица сошла к преддверью
Ключ ей нужен, но не зренье.

Детские страхи

Тени длиннее
И злая напасть
С неба желает
Все звезды украсть.
Ветер целует
Дыханием тучи
Уединяется с ними
На круче.
Ночь расцвела
Словно черная роза,

Яблони в садике
Плещутся в бронзе.
Вороги скрылись
Напасть умерла
Звезды на небе
И рядом луна.

Уважаю стрекозу
За далекую красу
Вижу малый крапень света в ее узеньком глазу
В ломких перешейках тельца
В темном взмахе сеток крыльев
Тон движения земного вздох чуть слышный
Бездн невидных
Мир согласий безобидных
Где мое любое слово нарушение святое.

Сердце успокой мне
Утоли печаль
Я люблю, когда темь
Разливает даль.
Тишиной не можешь
Убаюкай словом
И от смуглой кожи

Просияй звездою.

День серый.
Из черного песка дороги.
Единой мерой
Малый бег и многий.
И скорее, чем мыслимый свет
Отступит, лизая листочки,
Этой ночи червовые почки
Зацветут.

В болезнь как в тишину прислушаюсь.
Пар вскипевшего чайника.
Тополя обмороженного
Ветка в окне хрустальная.

Мороз устужен не меньше
И дышит одной ноздрюю.
Чернила в замерзшем стержне
Водят белой строкою.

О господи, явись из света ламп
Поддай свой лик из радужной подложки

Затми сияньем опустевший храм
Через открытые окошки.

Переверни собой седьмые эти дни
Или мой дух не справится с безумством
Или мой дух останется безумным,
Когда твои закрещутся ступни.

Твое лицо, суровый взгляд иконный
Вне символа не разобрать.
Преступный лик – мой спас неискнуемый
Пчела зари на губы твои падь
Взольет.
Теперь глубин твоих я знаю подземелье
Холодное болотное свеченье,
Где тень морфическое зелье
Тайно пьет.

Графин

В колодец сгнуть, пасть,
Поить глаза звездами
И полдня дымный столб горячий
Тянуть вовнутрь губами.

Пустой сосуд. Святая пустота.
Теперь причастник света мирный
И где ни стал бы
дух эфирный
Почит на нем, в том полнота.

Имеющие уши

Бывает тишина,
которую
Мой слух дремотный
вдруг начинает с жаждою искать.
Беззвучным криком, с яростью животной,
Лакая шум и гомон рвотный,
предчувствуя, что ночь близка.

Витою раковины складок
Глазницей бледной беззащитной
Впивается,
где ранее украдкой,
теперь все более открыто,
В твои слова

На каждый вздох и промах
Гуляет ветер в уличных проемах.

Он нем, хватая звук,
И замыкается в себе,
Храня эстетски
как паук,
всю дрожь звучанья в пелене.

Туманна ночь
И капель пад туманен
Своеобычна речь
И вдох своеобразен.
Горящий луч
Заголот смуглой тенью.
И с лобных круч
Сползает самомненье.
Мой темный угол
Лишь большая мышь.
Фонарный кругол,
Капельная тишь.

Я засветло уйду из дома
И надобы в возврате не увижу.
По волнам молодого грома
Войду я в облако из белых вишен.

В чертогах бледно-голубых
Мне жить сгодится до прихода
Из человеческого рода
Строителей любых.

Излил, чем болен так мой дух,
В луче чернильном обитая.
Порабощенный миром слух
Бессилен был, когда зывали.

И стал ты нем,
без сна,
как беспощадный зверь,
Мой дух, таящийся затворник,
Как страшно преступить за дверь,
Где тень твоя с луной оконной.

Чем болен я узнал мой дух.
Пренебрегая чистотою,
И оставаясь с миром глух,
Мой дух забытый болен мною.

Я видел деву

Мне свет казался близ нее не ярко
Как выплеск неба
На перламутр росы опавших яблок.
Не снесть истомы
Я принимал ее как есть на веру
Роднее дома
Она всей протяженности слепого тела.
Не веселит и стих
И знаний ртуть не освежает крови
Всем естеством приник
Я к ней
в тоске не понимаемой боли.

Чтение

Я открываю немоты живой иконостас.
Он светом восковым слоится,
И оплаваясь выпуклостью глаз
Расходится лучами на страницах.

И вдруг враси в надрез на белом снеге,
В побег мгновенный и наклонный
превратиться,
и в предстоянии земном забыться
с проточным словом округленных уст.

Небеса мои хлеба

Облюбованы мною те пажити

Соломянные волоса

Безымянными звездами крашены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.